

ПОСЛАНИЯ ГЕДИМИНА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Среди других источников XIV в. грамоты Гедимины и связанные с ними документы выделяются ценными особенностями, они хранят реальные черты истории литовской раннефеодальной монархии, последнего языческого государства средневековой Европы.

Нами рассматриваются послание короля Гедимины папе Иоанну XXII (1322 г.),¹ его же две грамоты 1323 г. ганзейским городам,² а также орденам доминиканцев³ и францисканцев,⁴ наконец, ответное письмо города Риги литовскому королю.⁵ Все эти источники имеют прямое отношение к мирному договору 1323 г. Литвы с Орденом, Ригой и их союзниками.⁶

Договор не привел к решению вероисповедных вопросов и к христианизации Литвы, что явствует из ответного послания 1324 г. папы Иоанна XXII Гедимину⁷ и отчета посланцев папских легатов о переговорах с литовским правительством.⁸ Осуществление договора встретило сопротивление подписавшего его Ордена, в связи с чем возникло письмо Гедимины Риге⁹ и оказались необходимыми меры, принятые королевским и рижским правительствами в подкрепление действительности договора, в частности, письмо рижан главе ганзейцев Любеку¹⁰ и рижское заявление 1326 г. литовского посла Лессе;¹¹ последний подробно изложил факты, о которых и ранее в общей форме писал рижанам его король.¹²

Мы попытаемся рассмотреть эти источники в нескольких аспектах, чтобы определить их значение для истории, во-первых, народного хозяйства, во-вторых, общественного строя, в-третьих, политической структуры и, наконец, внешней политики Литвы.

В довольно обширной историографии этих памятников (в работах В. Г. Васильевского, А. Прохаски, Ю. Якштаса, К. Форшрейтера, Г. Шплита и др.) в интересующем нас плане они почти не изучались.

¹ LUB, t. II, № 687.

² РЛА, № 54; LUB, t. II, № 690.

³ LUB, t. II, № 688 (от 26 мая 1323 г.).

⁴ Там же, № 689 (от 26 мая 1323 г.).

⁵ РЛА, № 53.

⁶ О содержании этого договора см.: В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 155 и сл.

⁷ LUB, t. II, № 703.

⁸ РЛА, № 67.

⁹ Там же, № 69.

¹⁰ Там же, № 62.

¹¹ Там же, № 71.

¹² Документы цитируются в переводе по сборнику «Грамоты древней Литвы», подготовленному к печати И. В. Шталь и мною.

Понятно, однако, что эти источники, будучи актами международного права, как таковые с разной степенью полноты могут ответить на вопросы, которые мы собираемся с их помощью осветить.

I

Историк народного хозяйства может почерпнуть из этих источников немало полезных сведений.

Прежде всего бросается в глаза, что литовская государственная власть — верховный собственник основы благосостояния страны (земли). Гедимин предполагает сам пожаловать землю приглашенным переселенцам: «...мы желаем наделить землей (здесь и далее курсив мой, — В. П.) каждого, сообразно его положению».¹³ Это, конечно, не новость; то же, по словам Гедимины, делал и его «предшественник» король Витень, который обращался в Ригу «с просьбой прислать ему двух братьев Ордена миноритов, предоставляя им землю и уже воздвигнутую церковь».¹⁴

Можно проследить и более глубокие корни этого явления: в единственной достоверной грамоте Миндовга — жалованной грамоте 1254 г. епископу Христиану, мы видим ту же верховную юрисдикцию королевской власти, которая может предоставить «в дар» и ввести «во владение»¹⁵ этого епископа. Причем, что очень важно, земли уже тогда имели ясно очерченные границы, поэтому в пожаловании можно было довольно точно обозначить даруемые участки (Христиану даны *половины трех земель*).

Из грамот зримо выступает прогрессивное значение нового государства для хозяйства страны. Королевское правительство настойчиво приглашает переселенцев-ремесленников: кузнецов, серебрянников, оружейников (баллистариев), плотников, каменотесов, соледобытчиков, кожевников, сапожников, мельников, пекарей, рыбаков и лекарей, т. е. представителей железодельного, древодельного, кожевенного и других производств. В одной из грамот говорится, что они могут приходить «с женами, детьми и домашним скотом»,¹⁶ т. е. предполагается, что они поселятся здесь навсегда.

Значительное внимание обращало правительство на развитие торговли как внутренней, так и внешней: Гедимин звал в страну купцов¹⁷ и лавочников,¹⁸ т. е., видимо, «гостей», ведших международную торговлю, и просто купцов. Переселенцам предлагался путь через свободную от блокады Мазовию. Реализация планов

¹³ РЛА, № 54.

¹⁴ LUB, t. II, № 687.

¹⁵ Там же, t. II, № 263.

¹⁶ РЛА, № 54.

¹⁷ LUB, t. II, №№ 690, 688, 689.

¹⁸ РЛА, № 54.

правительства относительно свободы торговли и безопасности ее путей ясно видна из договоров 1323 и 1338 гг.

Торговля с Литвой весьма интересовала Орден, который хотел сосредоточить ее в своих руках, минуя Ригу, о чем рижане прямо писали Любеку, обвиняя Орден в нарушении договора 1323 г.; Орден хочет лишить союзников возможности торговать с Литвой, делает он это «из-за товаров, которые находятся в его крепостях Дюнабург, Митава, Розитен и в других укрепленных местах, смежных с литовцами и их соседями», где рыцари «тайно, ради торговли, соблюдают особый мирный договор» с Литвой, не согласованный с союзниками.¹⁹ Заявление литовского посла Лессе подтверждает широкие размеры литовской торговли по суше — на Ашераден, Дюнабург, и по воде — на Дюнабург и Митаву.

Лессе, обвиняя Орден в нарушении договора, упоминал о судьбе «кораблей с товаром, именуемых ладьями, державших путь в сторону Руси, которые, как нас известили, были задержаны теми же братьями в их крепости Дюнабург и к тяжкому убытку для дел их [владельцев] не были пропущены далее туда, куда они направлялись».

Говорил посол и о «примере купеческого каравана», который рыцари «недавно захватили, ограбили [и] даже некоторых [из бывших на судах] эти же братья увели в окопах с собой в крепость свою Митаву, подвергнув [их] на время тяжелому плену, и вынудили после этого вернуться домой, не закончив дела».²⁰

Наконец, в Ашерадене были захвачены в плен и ограблены сам Лессе и его русские спутники, которых «братья снова ограбили в своей крепости Дюнабург, когда те, вернув себе добро, после плена возвращались домой».

Из грамот очевидно стремление государственной власти твердо определить политические границы страны²¹ («При нашем покровительстве», — писал Гедимин, — каждый «может иметь свободный доступ» в страну²²), охранять их, а также жизнь и собственность подданных за рубежом. Литовское правительство защищает права феодалов на бежавшую в Орден челядь, права короля на охотников (видимо, королевского домена) из Упите, права Войната (может быть, полоцкого князя, известного в летописи под именем Воина) на захваченных у него рыцарями коней, наконец, права полочан, десятки которых были убиты или ограблены тевтонами.²³

II

Немало важного содержат интересующие нас документы для оценки общественного строя. Гедимин в качестве верховного юри-

¹⁹ Там же, № 62.

²⁰ Там же, № 71.

²¹ LUB, t. II, № 703.

²² Там же, № 690.

²³ РЛА, № 69.

дического собственника земли, приглашая в страну христиан (за исключением тевтонов), обещал всем благомыслящим предоставить «собственность и власть» (*dominium et regnum*²⁴) — выражение не очень ясное. Но есть основания видеть здесь феодальное владение. В таком толковании нас укрепляет и тот факт, что король сулил наделить землей воинов (рыцарей и их оруженосцев), купцов и ремесленников, «каждого сообразно его положению»,²⁵ т. е. в соответствии с нормами существующей в Литве общественной иерархии.

В другой грамоте Гедимин писал об этом так: «Если пожелают остаться воины (*milites*, т. е. рыцари) и оруженосцы (*armigeri*, т. е. вассалы рыцарей; это толкование справедливо, ибо в одной из грамот читаем — „*milites, vasalet*“²⁶), то мы, как подобает [обеспечим] их доходом и наделим владением» (*dotabo eos rebus et possessione, prout decet*²⁷).

Это пожалованье не на полном иммунитете, а на срочном: нет речи о независимости от королевского суда, но есть — об освобождении от налогов и пошлин.

Любопытно, что налоги и пошлины — тоже дело не новое. По словам Гедимины, уже его предки отправляли послов с грамотами в города Ганзы и «предоставили» горожанам-переселенцам «землю», но тогда дело сорвалось, ибо никто из них не пришел «и [даже] собака из владений их не принесла благодарности за [это] пожалованье».²⁸ Уже и тогда в Литве существовали налоги, пошлины и торговые сборы, но от них переселенцев еще не освобождали, Гедимин же идет дальше: «превосходя [пожалованья] всех наших предшественников, мы уже в настоящем послании объявляем, что отныне по королевскому пожалованью наша земля свободна от торговых пошлин (*sine theoloneo*) и дорожных повинностей» (*exactione angariarum et oerangariarum*²⁹). Налицо — иммунитет.

Земледельцы, которых зовет в страну Гедимин, именуются то колонами (*coloni*),³⁰ то земледельцами (*agricolae*).³¹ Первый термин известен документам и Польши, и Чехии того времени для обозначения феодальнозависимых крестьян вообще.³²

Земледельцы грамот Гедимины — это не рыцари и не вассалы, и земля дается им с освобождением от налога на десять лет с тем, что позднее они будут платить королю десятину. Они люди

²⁴ Там же, № 54.

²⁵ Там же.

²⁶ LUB, t. II, № 690.

²⁷ РЛА, № 54.

²⁸ LUB, t. II, № 690.

²⁹ Там же.

³⁰ РЛА, № 54.

³¹ LUB, t. II, № 690.

³² См.: Л. В. Разумовская. Очерки по истории польских крестьян от древних времен до XV века. М.—Л., 1958, стр. 184; ср.: F. Graus. Dějiny venkovského lidu od 10. stol. do první poloviny 13. stol. Praha, 1953, стр. 246—247.

феодалнозависимые. Вот эта важная статья. «Земледельцам, желающим прийти в наше королевство и остаться [в нем], мы даем землю и разрешаем в течение десяти лет свободно и без налога (*absque censu*) обрабатывать ее и половину этого времени [т. е. в течение пяти лет] быть свободными от любой королевской повинности (*ab omni onere regio*). По истечении же вышеупомянутого срока и, конечно, в зависимости от плодородия земли, они будут давать десятину, как заведено в других королевствах. . . , однако, с таким расчетом, чтобы у нас доход их возрастал сильнее, чем обыкновенно бывает в других королевствах».³³ Последнее замечание можно понять так, что уровень жизни крестьян в Литве был пока еще выше, чем в соседних странах. Еще полнее общественный строй Литвы отражен в договорах 1323 и 1338 гг.

III

Значительно больше данных содержат грамоты для характеристики государственной структуры страны. Уже Миндовг оформлял акты государственного значения от имени «нашего королевства» при участии совета, в который входили двое его сыновей (третий — Войшелк — был тогда во вражде с отцом) и приближенный советник: грамота епископу Христиану дана «в присутствии и при согласии сыновей наших Реплена и Герстухена,³⁴ [а также] верного нам Парбсена», видимо, выполнявшего обязанности канцлера.

Совет был и при Витене, и при Гедимине, который ставил возможность пожалования переселенцам иного, лучшего, чем рижское, права в зависимость от решения, «исходящего от совета благородных»³⁵ (от мудрого совета благородных³⁶); договор 1323 г. был им заключен «по совету и при одобрении наших мудрейших»; второе письмо к папе Иоанну XXII (о нем папа упоминает в своем ответе³⁷) король писал не только от своего имени, но и от имени «остальных князей и баронов», т. е. княжеской семьи и боярской знати.

В донесении посланцев папских легатов ярко, с натуры, описана деятельность государственного совета: Гедимин принимал их «вместе со своими советниками, в своих палатах». Советников было около двадцати. Затем литовские представители «от [имени] совета» вели переговоры с посланцами на подворье, где те остановились; наконец, на подворье миноритов переговоры вел член совета — королевский тиун (судья), вначале один, потом совместно с некоторыми другими советниками. В совет входили и некоторые монахи. В донесении ясно представлена роль таких советников —

³³ LUB, t. II, № 690.

³⁴ Их знает и наша летопись; см.: ПСРЛ, т. II, Изд. 2, стб. 860.

³⁵ РЛА, № 54.

³⁶ LUB, t. II, № 690.

³⁷ Там же, № 703.

францисканцев и доминиканцев, которые посвятили посланцев в политические тайны королевского двора, выведенные ими у приближенных короля — его переводчика (монаха Геннекина) и слуг королевы.

Было в Литве и налаженное правительственное делопроизводство. Государственные акты скреплялись королевской печатью. Уже в грамоте Миндовга читаем: «Мы распорядились скрепить настоящую грамоту нашей печатью».³⁸ Печати имели и преемники Миндовга, ибо Гедимин сообщал, что его «предки» отправляли «послов и грамоты».³⁹ Все документы самого Гедимины скреплялись, помимо его подписи (т. е. он — человек грамотный), еще и королевской печатью.⁴⁰

Юридическую силу такой печати признавали и враги Литвы: рыцари сумели уничтожить печать на одной из отправленных им папе грамот, думая подорвать доверие к высказанной королем мысли о христианизации Литвы. Тогда Гедимин отправил новую грамоту, скрепленную печатью, подтверждая ею то, что говорил в перехваченном и испорченном рыцарями документе.⁴¹

Приглашая в страну францисканцев, знающих польский, земгальский и русский языки,⁴² Гедимин имел в виду использовать их не как проповедников, а для дипломатических нужд латинско-русского делопроизводства государственной канцелярии.

Государство охраняло привилегии людей свободных и их права на угнетение несвободных. Защищая права холоповладельцев, королевское правительство карало холопов, «подлежащих наказанию», а в случае их протеста в форме бегства за рубеж, в Орден, требовало у последнего выдачи непокорных подданных: Гедимин протестовал, когда Орден укрыл 300 беглых холопов.⁴³

Государство укрепляло вооруженные силы, приглашая на службу рыцарей и вассалов, ремесленников-оружейников. Литовские партизаны (*latrunculi*), ведшие борьбу на литовско-немецком пограничье, стали заметным фактором политики и объектом международных переговоров: если уж Рига жаловалась на них королю за «огромный ущерб», нанесенный окрестностям города, то Ордену, вероятно, и подавно от них доставалось. Важно отметить, что они были подчинены королю, и потому Рига именно его просила «укротить» их.⁴⁴

Развивалась и королевская титулатура. Если Миндовг именовался «милостью божьей король Литвы», то Гедимин считал своим полным титулом «милостью божьей король литовцев и русских,

³⁸ Там же, т. I, № 263.

³⁹ Там же, т. II, № 690.

⁴⁰ Там же; РЛА, № 53

⁴¹ LUB, т. II, № 688.

⁴² Там же, № 689.

⁴³ РЛА, № 69.

⁴⁴ Там же, № 53

правитель и князь Земгалии». ⁴⁵ За этим устойчивым титулом скрывается хорошо известная политическая гибкость литовского правителя (haubtmann), оставившего за Земгалией право иметь собственного правителя (король литовцев и многих русских и проч- [их]), ⁴⁶ ливонским епископам и Риге как «король литовцев и русских». ⁴⁷ Это делалось, вероятно, чтобы не раздражать их упоминанием Земгалии. В свою очередь папа признает в нем «короля литовцев и многих русских», ⁴⁸ рижане тоже не включали в титул земгалов, ⁴⁹ а Орден называл его «королем Литвы», отрицая, следовательно, и его право на русские земли.

Из документов четко выступает столица страны Вильно, пришедшая на смену Новгородку, ⁵⁰ остававшемуся, впрочем, центром православной церкви.

Литовское государство имело устойчивую систему внутреннего управления и, в частности, такие его важные элементы, как налоги с земли и пошлины с торговли. О том, что это так, свидетельствует освобождение правительством земледельцев-переселенцев от налога (в форме десятины), притом «в зависимости от плодородия земли»; освобождались они и от других повинностей. Не менее ясно представлены и пошлины с торговли: «Купцы пусть въезжают [в нашу землю] и выезжают [из нее] без побора и пошлины» (*sine exatione et teloneo* ⁵¹); в другой грамоте эта формула полнее: «*sine theoloneo, exatione angariarum et perangariarum*», ⁵² т. е. она предусматривает освобождение купцов-переселенцев и от дорожных повинностей. Трудно сказать, несли ли эти повинности собственно литовские купцы-старожилы. ⁵³ Это тем более затруднительно сделать, что в другой грамоте речь идет не об отмене дорожных повинностей, а лишь об устранении их «несправедливого» применения (*omni exactione, theoloneo, infestatione iniusta angariarum et perangariarum* ⁵⁴).

⁴⁵ Там же, № 54; LUB, t. II, №№ 688—690.

⁴⁶ LUB, t. II, № 687.

⁴⁷ РЛА, № 69.

⁴⁸ LUB, t. II, № 703.

⁴⁹ РЛА, № 53.

⁵⁰ Там же, № 54; см. также: J. Jurginis. Vilniaus miesto ikūrimo klausimu [К вопросу об основании города Вильнюса]. Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai, ser. A, t. 1 (6), 1959, pp. 103—113.

⁵¹ РЛА, № 54.

⁵² LUB, t. II, № 690.

⁵³ Новый материал, подтверждающий развитие собственно литовской торговли, см.: I. Sadauskaitė. XII—XIII amžių pirklio kapas Sargėnuose [Погребение купца в Сергенай XII—XIII вв.]. Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai, ser. A, t. 2 (7), 1959, pp. 57—76; ср. также: М. П. Сотникова. Рязанский клад серебряных литовских слитков из собрания Эрмитажа. Сообщения Государственного Эрмитажа, т. XII, 1957, стр. 15—18.

⁵⁴ LUB, t. II, № 689.

Правительство обещало всем этим людям немецкое рижское право. Следовательно, оно поступало осмотрительно, допуская у себя в стране существование, помимо литовского, русского и польского, также одной из форм немецкого права. Со свойственной ему политической гибкостью правительство не исключало возможного изменения этого права на иное: «Пусть же весь [этот] народ пользуется гражданским правом города Риги, если только затем не будет найдено лучшее [решение], исходящее от совета благородных».⁵⁵ Надо иметь в виду, что формулы грамот Гедимины (как, впрочем, и Риги) не чеканные, они отражают мысли, возникавшие у составителей в момент написания документа, а также содержат приписки, сделанные в конце текста, при его последнем чтении королем. Тем дороже они как источник.

Но все же о характере власти короля по этим грамотам судить надо очень осторожно. Сам Гедимин не сомневался в своей силе, когда писал ганзейским городам: «В своих землях, где предписываем и повелеваем, казим и милуем, открываем и закрываем [доступ в наши владения], мы самое могущественное лицо».⁵⁶ Он справедливо подчеркнул устойчивость прерогатив законодательной и исполнительной, судебной и административной власти; это — «право земли», упомянутое в договоре 1323 г. Но сам он — выразитель воли феодального класса (господ земли) и его правящей группы, а не абсолютный монарх.

Достаточно развит был и внешнеполитический аппарат государства. Уже Миндовг имел дипломатические связи и договоры с разными частями Руси, с Ригой, Орденом, папством. Это — не случайность. Витень — брат и предшественник Гедимины, имел с Ригой мир — перемирие,⁵⁷ сам Гедимин писал папе о своих «предшественниках», которые «неоднократно направляли для заключения мира к господам рижским архиепископам своих послов».⁵⁸ Кроме того, в письме к Гедимину рижане свидетельствовали, что «исстари повелось» заключать с Литвой договоры трем партнерам (архиепископ с капитулом, магистр тевтонский и город Рига) одновременно;⁵⁹ значит, при Витене это во всяком случае практиковалось. Источникам известны Парнус — посол Миндовга к папе, и Лессе — посол Гедимины в Ригу. Речь последнего, произнесенная в Риге, свидетельствует о зрелости литовской дипломатической мысли (в его посольстве участвовали и русские дипломаты и купцы). Сам Гедимин, как явствует не только из его политики, но и из речей, сохранных в записи посланцев папских легатов, был умным дипломатом и пропагандистом своих политических идей.

⁵⁵ Там же, № 688.

⁵⁶ Там же, № 690.

⁵⁷ РЛА, № 53.

⁵⁸ LUB, t. II, № 687.

⁵⁹ РЛА, № 53.

Например, заявив посланцам о решительном отказе от принятия христианства — «если у меня было когда-нибудь [такое] намерение, то пусть меня крестит дьявол», Гедимин сказал, что вообще «хотел бы, чтобы христиане почитали и славили бога своего по-своему, русские — по-своему, поляки — по-своему, а мы славим по нашему обычаю, и у всех [нас] один бог». Эта веротерпимость язычника представляется особенно человеческой рядом с воинствующим разбоем крестоносцев. «Что вы мне говорите о христианах! — продолжал король. — Где больше несправедливости, насилия, жестокости, бесчестия и излишества, чем у христиан, особенно у тех, которые кажутся благочестивыми, как, например, крестоносцы, которые совершают всякое зло; они захватывали епископов, бросали их в темницу и содержали в тяжелых условиях до тех пор, пока те не соглашались на все их желания, а других они отправляли в изгнание. Они убивали клириков и священнослужителей, нанесли огромный ущерб городу Риге и не выполнили ничего из того, что в первое время насаждения этой христианской веры клятвенно обещали».⁶⁰

IV

Понятно, что особенно ценны грамоты Гедимины и смежные с ними источники для изучения международного положения Литвы. По ним можно получить представление о борьбе литовского правительства за осуществление двух внешнеполитических задач, тесно связанных между собой: во-первых, за прорыв экономической блокады, осуществляемой Орденом и Ганзой, и, во-вторых, за устранение идеологической изоляции; в сущности Литве пришлось, как некогда и Руси, завоевывать свое право на христианизацию.

Правительство Литвы имело давние связи с некоторыми городами Ганзы и использовало влияние Риги и других дружественных городов⁶¹ для подготовки мирного договора. Чтобы облегчить действия городов, правительство Гедимины (через посредство Риги, а также саксонских францисканцев и доминиканцев) одновременно завязало сношения с папой Иоанном XXII. Папе король направил два послания, одно из которых (первое) сохранилось.

Дошел до нас и ответ папы на второе послание короля, в котором говорится, что папа получил два послания, одно, где Гедимин перечисляет проступки Ордена, вспоминает политику Миндовга и говорит, что воевал не против христианской веры, а против нарушителей права, и просит прислать архиепископа рижского Фридриха и легата «для установления мира и определения границ». Позже, «по прошествии некоторого времени», папа получил и второе письмо короля, написанное не только от его имени, но и от имени князей

⁶⁰ Там же, № 67.

⁶¹ Там же, № 54.

и бояр (*principes et barones*), которые подтвердили, точку зрения Гедимины на крещение, выраженную в его первом письме.

Мы не знаем всего, о чем писал Гедимин во втором письме, где он, возможно, нашел и золотой ключ к сердцу папы, сидевшего без денег в Авиньоне. Сам папа выражается глухо, что послание короля «содержало много благоприятного нашим намерениям», но упоминание об этом он, папа, не включил в текст своего ответа «вследствие краткости последнего».⁶²

Папство охотно воспользовалось случаем вступить в сношения с виленским двором, видя в этом если не возможность расширения сферы своей власти на Востоке, то средство давления на Орден. Папа обещал королю послать *после крещения* Литвы особый мандаг «магистру и братьям» и сделать так, чтобы они не чинили королю «неприятности, убытки и несправедливости» и постарались жить с ним «по-братски и в мире».

Успех правительства Гедимины можно видеть в том, что папа издал свое брeve *до крещения*: он предписал своим легатам, епископу Бартоломею и аббату Бернарду, ехать в Литву и в «указанных областях» между нею и Орденем «все уладить и примирить».⁶³ Любопытно, что от короля папа требовал лишь согласия с легатами, разрешения им и другим католикам свободы проповеди и отеческого отношения к католикам.

Легаты прибыли уже после заключения договора 1323 г. Это дает основание думать, что переписка с папой была использована литовским правительством для создания церковно-политических возможностей союза с городами. Подобная тенденция сквозит и в письмах городам, которым король сообщал, что вступил в сношения с папой («ответ его мы получили»⁶⁴) и ожидает легатов. Из позднейшего письма рижан Любеку мы узнаем, что уже тогда Гедимин был склонен к раздельному рассмотрению вопросов торговли и веры: «Пусть ко мне придут послы господина папы, которых я ожидаю с величайшим нетерпением, [а] что на сердце у меня, то один бог знает и я».⁶⁵

Влияние Литвы на Ганзейские города в немалой степени объяснялось их заинтересованностью в литовских торговых путях на Новгород и Псков. Об этом Гедимин напоминал во втором послании городам,⁶⁶ о том же писали королю рижане, признавая, что их сограждане «многократно проезжают» через псковские земли, находящиеся под покровительством Литвы.⁶⁷ Словом, справедливо сообщали рижане Любеку, что договор 1323 г. был заключен с немецкой стороны по «непреложной необходимости».⁶⁸

⁶² LUB, t. II, № 703.

⁶³ Там же.

⁶⁴ РЛА, № 54.

⁶⁵ Там же, № 62.

⁶⁶ LUB, t. II, № 690.

⁶⁷ РЛА, № 53.

⁶⁸ Там же, № 62.

Интересующие нас документы характеризуют и обстановку, сложившуюся после подписания договора 1323 г. Когда стало ясно, что Орден не собирается соблюдать договор, правительство Гедимины решило выяснить, с кем из подписавших его оно может надеяться сохранить мир. В письме к ливонским епископам, Риге и Ревелю король добивался ответа «с кем поддерживать мир» Литве, ибо мир, предусмотренный договором, «долго сохраняться не сможет, если вы не найдете для этого иного пути». ⁶⁹ Ответ ему от имени ливонских епископов и Риги (Ревель в деле не участвует) привезли уже посланцы папских легатов, которых, как видно из их отчета, король тоже спрашивал, кто будет поддерживать с ним мир, нарушенный Орденом. ⁷⁰

Нарушение Орденом договора 1323 г. давало Гедимину формальную возможность отказаться от христианизации Литвы. Королю было ясно, что папские буллы его от Ордена не защитят, ⁷¹ кроме того (и это главное), соглашение с папством встретило решительное противодействие в Жемайтии и Белоруссии. Даже советники-францисканцы считали, что королю следует подумать о союзе с Чехией и Венгрией. Ясно одно, что правительству Гедимины удалось сделать первый шаг в международной компрометации Ордена; позднее Ягайло и Витовт продолжают это дело.

Правда, Орден предпринял ответные меры и развернул пропаганду против договора 1323 г., используя для этого епископа вармийского Эберггарда и его капитул и Николая, стража прусских францисканцев. Они выступили с посланиями в защиту Ордена и с обвинениями Литвы. ⁷² Они утверждали, что Орден не мешает христианизации Литвы, но что путь к ней закрывает литовский король, воюя с католическими державами. Послания духовных отцов не блещут логикой: христианизация не устраняла войн, они же отрицали за язычниками право на самооборону.

Как бы то ни было, экономические интересы сделали свое, и через недолгий срок сам Орден оказался вынужденным подписать с Литвой торговый договор 1338 г.

Стало очевидно, что ни Ганза, ни Орден не могли экономически преуспевать без торговли с Литовским великим княжеством, в частности, с подвластными ему городами Белоруссии и связанными с ним Смоленском и Псковом.

⁶⁹ Там же, № 69.

⁷⁰ Там же, № 67.

⁷¹ Трудно согласиться с К. Форштрейтером, который отводит обвинение Ордена в срыве договора на том основании, что Гедимин не собирался принять христианство (см.: К. Forstreuter. Die Bekehrung des Litauerkönigs Gedimin. Jahrbuch der Albertus—Universität, Bd. 6, 1955, S. 157—158). Но Гедимин потому и не мог его принять, что Орден продолжал штурмовать границы Литвы.

⁷² LUB, t. II, №№ 695, 698.